

Виктор Шетэля

**СЛОВАРЬ ПОЛОНИЗМОВ
РУССКИХ ТЕКСТОВ
XIX–XX ВЕКОВ**

**SŁOWNIK POLONIZMÓW
ROSYJSKICH TEKSTÓW
XIX–XX WIEKÓW**

Около 1000 словарных статей

УДК 330.1(075)

ББК 65.012.1

Ш 52

Автор:

Виктор Шетэля — кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета.

Doc. dr Wiktor Szetela (ur. Gdańsk, 1949); absolwent Liceum Ogólnokształcącego im. St. Dubois w Koszalinie (1963—1968); Studium Nauczycielskiego im. Emilii Gierczak w Kołobrzegu (1968—1970); student Uniwersytetu Gdańskiego (1970—1971); student i doktorant Moskiewskiego Państwowego Instytutu Pedagogicznego w Moskwie (1971—1980); młodszy pracownik naukowy Akademii Nauk Pedagogicznych w Moskwie (1981—1993); kierownik laboratorium “Polska Szkoła w Rosji” w Instytucie Narodowościowych Problemów Edukacji przy Ministerstwie Oświaty Rosyjskiej Federacji w Moskwie (1993—2003); docent polonistyki Moskiewskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Moskwie (od 2003). Autor ponad 388 naukowych publikacji z dziedziny rusycystyki, polonistyki, kulturologii, historii, metodyki wykładania tych przedmiotów w wyższej szkole, historii pedagogiki i wychowania. Autor i współautor podręczników, słowników i encyklopedii.

Ш 52 Шетэля, Виктор.

Словарь полонизмов русских текстов XIX—XX веков =
Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX—XX wieków: около
1000 словарных статей / В. Шетэля. — М.: Прометей, 2019. —
436 с.

Рецензенты:

А.С. Мамонтов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; член Союза писателей России

Н.В. Баско, кандидат филологических наук, доцент, доцент филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ISBN 978-5-907100-13-8

© Шетэля В., 2019

© Издательство «Прометей», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	4
СЛОВАРЬ	11
А	11
Б	18
В	33
Г	48
Д	62
Е	85
Ж	88
З	96
И	106
К	112
Л	163
М	175
Н	199
О	210
П	227
Р	288
С	303
Т	323
У	328
Ф	333
Х	347
Ц	353
Ч	363
Ш	370
Щ	388
Э	389
Ю	381
Я	392
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ: НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ И ТЕКСТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ	394

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В числе множества нововведений, появившихся в русских текстах XIX в. (а таких в представляемом здесь словнике большинство), можно выделить большую группу разнотематических и неоднородных по степени закреплённости в русском языке слов и выражений польского происхождения. В XIX в. вместе с польскими заимствованиями различных типов в русских текстах того времени входят в силу и адаптируются единицы, тематически связанные с Польшей и польским языком, употреблявшиеся в русском языке и в более ранний период XVIII и XVII вв. Таким образом, наличие в русской литературной речи XIX в. названной генетической группы единиц позволяет говорить о возможном типе русского исторического словаря польских слов и выражений.

В основе концепции данного словаря стоит вопрос о том, какую из единиц следует считать *полонизмом*, т. е. заимствованной русским языком единицей польского происхождения. Проблема заключается не только в том, что трудно выделить в «своем» «чужое» и этим чужим в русском языке является единица другого близкородственного языка, но также в том, что в настоящее время существуют две основные концепции в этимологизации русской лексики польского происхождения. Так, по мнению Н. М. Шанского, *исконными словами* могут быть в числе других «слова, появившиеся в нашей речи на базе заимствованных основ или корней, или целых слов», а *собственно русскими*, по его мнению, — «слова, возникшие в русском языке в эпоху раздельного существования трех восточнославянских языков» (Шанский, Боброва, с. 392, 395). Если следовать этим положениям, то, например, существительное *мазурка* — название польского танца — не является полонизмом, а исконным русизмом, образованным на базе, заимство-

ванного из польского языка слова *mazur, mazurek*. Также, по этой концепции, если говорить об *исконных* словах польского языка и *собственно польских словах*, то слова польского языка *drukarnia, kuchnia* можно назвать *исконными* польскими словами потому, что образованы они на польской языковой почве от заимствованных соответствующих немецких слов. Правда, слово *drukarnia* является очень древним заимствованием из германских диалектов, в то время, как слово *мазурка* является заимствованием из польского языка XIX в., когда русский и польский языки были уже вполне сложившимися современными европейскими языками. И этот факт, на наш взгляд, также может повлиять на определение путей этимологизации этих слов, так как нельзя не учитывать фактор времени, а также того, что польско-немецкое контактирование происходило на уровне диалектов в далеком прошлом. По второй концепции, слова типа *drukarnia* являются германизмами в польском языке, а слово *мазурка* полонизмом в русском языке по той простой причине, что истоки каждого из них можно вывести из соответствующего языка-источника. Таким образом, внимательный читатель этимологических словарей может отметить для себя два крайних подхода в интерпретации происхождения языкового факта, хотя каждая из данных концепций не выступает в “чистом” виде, и авторы словарей часто исходят из характера заглавного слова, когда производят его лексикографическое описание.

Автор данного словаря придерживается мнения, что адаптированное на польской языковой почве, например, романо-германское слово является все же полонизмом. Но только в том случае, если слово заимствуется из польского языка, и этот признак полонизма для данного слова тем более очевиден, если данная единица была заимствована русским языком именно из польского в характерном для польского языка семантическом и фонетико-морфологическом оформлении. Для данной классификации большое значение имеет фактор времени, т. е., если, например, французское слово существовало в данном языке с XIV в., и в польском языке в новом характерном для польского языка облиции появилось в веке XVII, а затем в XIX было заимствовано русским языком из польского, в устоявшемся для польского языка оформлении, то веро-

ятно, следует признать, что данное слово не является романским, а новым для XIX в. польским заимствованием в русском языке. Весьма показательна в этом плане история слова *митенки* “женские перчатки без пальцев” (см.: Черных, т. 1, с. 534).

Итак, словник полонизмов XIX в. составляют в алфавитном порядке те единицы, которые появились в русских текстах XIX в., а также те, для которых XIX в. был “мостом” из более ранних эпох (напр., слова: *жолнер* “солдат”, *кржиж* “крест”, *майонток* “имение”, *речь посполита* “республика”, *посполитое рушение* “народное ополчение”). XIX век — это основной «поставщик» единиц для нашего словаря, хотя не менее интересным является век XX.

Словарь в основном пополняют единицы, которые в XIX в. вошли в стабильный фонд русского языка с их выходом в следующую эпоху (напр., слова: *зразы*, *кий*, *краковяк*, *куявяк*, *луза*, *мазур*, *мазурка*, *маевка*, *повстанец*), а также такие, которых употребление в русских текстах было ограничено только данной эпохой (*жонд*, *довудца*, *повстанский*, *повстанье*). Все эти слова встречаются в русских словарях XIX и нынешних столетий.

Для подобных заимствований дается точная датировка вероятностного первого употребления в русских текстах. Поскольку обычно первое употребление польского слова в русском тексте дается в виде польского вкрапления в польском графическом отображении, напр.: *krakowiak*, *kujawiak*, *mazur*, *mazurek*, *powstaniec*; *rząd* “правительство”, *dowódca* “командир”, *powstanie* “восстание”, то в словарной статье на данное слово предусматриваются иллюстрации данного употребления. В словаре зафиксированы также задокументированные в источниках разовые, так называемые «однодневные» употребления.

Словник словаря, конечно же, составляют, числующие в большом количестве в русских текстах XIX в. разнотематические польские регионализмы (экзотизмы), например, *бигос* “тушеная капуста с мясом”, *лазанки* “лапша”, *гавенда* “побасенка”, *громница* “толстая ритуальная свеча”, *кулиг* “санный карнавальнй поезд”, *щегрец* “ритуальнй меч польских королей”. Словник пополняет целый ряд так называемых *варваризмов* — весьма частотных в русских газетах второй половины XIX в. слов типа *жонд*, *довудца*, а также *офяра* “жертва”, *справа* “дело” и многие другие.

Если рассматривать единицы по их происхождению, то это будут слова и выражения, заимствованные русскими авторами прямо из польского языка, и представляющие для польского языка *собственные* образования (напр.: слово *краковяк*), или же слова, образованные в польском языке из слов и корней, чаще всего из романо-германских языков (напр., *исконные* слова: *конгрессовка*, *конфедератка*), для которых польский язык по отношению к русскому являлся языком-посредником. В состав словника входят также вероятностные полонизмы, в образовании которых, по мнению автора словаря (со ссылкой на многие авторитетные разработки), участвовала польская языковая стихия, напр.: польско-силезское слово *стриюцкий* “подлый, низкий человек”.

Если речь об единице и структуре словарной статьи, то главной единицей словарной статьи является, во-первых, слово как таковое (*бричка*, *клецка*, *коморник*, *фляки*, *червец*), во-вторых, устойчивое составное наименование (*забранный край*, *орден Белого орла*, *польская гитара*, *свента справа*), в-третьих, фразеологизированное выражение (*пся крев*, падежно-предложные формы: *до лясу*, *до ката* и речевые формы этикета: *падам до ног*, *пан добродзей*), в-четвертых, пословицы и поговорки (*без працы не бенды колацы*, *зярнко до зярнка*) и, в-пятых, всякого рода цитации (напр.: “*Еще Польша не сгинела пуки мы жиемы*” — из “Мазурки” Домбровского; “*глухо всендзе, темно всендзе, цо то бендзе, цо то бендзе?*” — из “Дядов” Адама Мицкевича).

Словарь составляют единицы, представляющие собой самые разные части речи: имена существительные (*гмина*, *коло*, *колтун*, *крупник*, *недоразумение*), имена прилагательные (*завзятый*, *заядлый* — чехизмы в польском языке, *доскональный*, *народовы*, *подземный*, *польский*, *хмурый*), наречия (*досконально*), глаголы (*пановать*, *трамбовать*).

Полонизмы в русских текстах XIX в. могут употребляться в нескольких значениях, напр., слово *венгерка* выступает в значениях: 1) “женщина венгерской национальности”, 2) “род куртки”, 3) “сорт слив”; слово *крупник*: 1) “суп, сваренный на крупах”, 2) “медовуха”; слово *коморник*: 1) “землемер”, 2) “крестьянин, снимающий угол (“комору”) у хозяина”. Все эти и другие значе-

ния слов находят свое пояснение в данном словаре. Важно при этом отметить, что словарь отразил польские слова и выражения, стилистическая принадлежность которых к польским функциональным стилям и окрашенность которых в польском языке неоднородна. Книжными в словнике словаря являются единицы: *институция, интенция, фрекфенция, сегрегация*; разговорными: *обертас, рухавка*; высокими: *Матка Боска Ченстоховска, Матка Боска Остробрамска, ойчизна, польцизна*; низкими: *быдло, лайдак* (чехизм в польском), *лобус* и др. Словник словаря включает также русские арготизмы польского происхождения, напр., слова: *жлоб, кшеня, мент, холява*.

В терминологической системе русского языка ряда наук и дисциплин можно выделить термины польского происхождения, заимствованные этой системой в XIX в. Термины польского происхождения: *пол* в смысле “половина”, *краковяк, куявяк, оберек, обертас, полька* входят в состав терминологии хореографии; термины этнографии: *родак, гураль, кашуб, кашубский, куявяк, мазур, мазурский*; термины литературоведения: *валленродизм, пишибышевицзна, фацеция, фрашка*; термины зоологии: *подгальянская овчарка* “порода собак, разводимых на “подгальях”(лугах) в Татрах”, *червец* “разновидность червяка”; термины геодезии и картографии: *краковян, морга*; термины земледелия: *забеликование, пустки, сегрегация грунтов*; термин горного дела: *крушец*; финансовые термины: *грош, злотувка, кошит, офяра народово, пеняндз, своекошитный, фундуш, червонец, шарварк, чини, чинишый*.

По способу заимствования словник пополняют полонизмы, заимствованные русским языком прямо (примеры указаны) и калькированно (напр.: *апельсин* в смысле “бомба”, *пачка* “группа людей, компания”).

Все рассматриваемые здесь единицы были выделены в русских текстах газет, журналов, в русской речи художественной литературы (проза и поэзия) XIX в., а также последнего десятилетия XVIII и первых десятилетий XX в. Источником послужила также эпистолярная и мемуарная письменность того времени. Полонизмы отмечены также в опубликованных в наше время документах,

связанных с польским национально-освободительным движением XIX в. Русские словари различных типов XIX и XX столетия, а также многие научные разработки прошлого и настоящего времени помогли уточнить словник словаря и научно аргументировать включение в словарь некоторых единиц. Следует отметить, что некоторые из приведенных нами русскоязычных словарей XIX века современной лексикографией признаются не собственно русскими (напр., словарь Ф. М. Пискунова как образец украинской лексикографии). Однако добросовестность их составителей в фиксации замеченной лексики позволила нам найти подтверждение семантической и этимологической однородности многих из приведённых русскими текстами XIX—XX веков слов.

По мере осуществления нашего замысла и по мере пополнения его материалов новыми фактами все больше становилось очевидным, что действительно трудно ограничивать словник словаря только фактами одного столетия. Различные этапы развития российско-польских отношений в XIX в. и описание этих фактов в прессе являлось причиной, по которой русскими авторами были использованы польские слова и выражения, оказавшиеся достаточно активными позже — в веке XX. Здесь все же следует отметить, что в новых геополитических условиях XX в., в которых проживали носители польского языка (польское общество), в их речи формировалась другая лингвистическая картина мира. Эта этапность отразилась в речи российских газетных сообщений, информационно связанных с так называемым «польским вопросом». Наш словник отразил эти нововведения, иногда целиком связанные с веком XX и годами последующего тысячелетия.

Структура словарной статьи нашего лексикографического издания вытекает из характера описываемых единиц. Словарная статья состоит из: *заглавного слова и вариантов* его появления в русских текстах, после чего дается в скобках польское написание слова; далее иногда следует стилистическая *помета* для польской единицы в польском языке и стилистическая помета, указывающая на стилистическую принадлежность единицы в русском языке; *толкование* единицы в русском и польском языках в той возможной формулировке, которая имеется в русских словарях

или других источниках; примеры *контекстов и словосочетаний*, которые показывают процесс адаптации единицы в русской речи с указанием датированного источника. Далее указывается научная литература с отражением различных мнений по вопросам происхождения данной единицы. Структура словарной статьи, стандарт которой указан выше, может меняться за счет включения или исключения некоторые указанные ее элементы.

Мы стремились к приданию словарным статьям, там, где это возможно, этимологический характер. Это может значительно нарушить, но с пользой для содержания, структуру словарной статьи.

СЛОВАРЬ

А

Абецадло (abecadło) — 1) «польская азбука»: «Дозволь правительство им обучать русинов по-польски, тогда дело другое, сам бы пан с паньей и панятами стали бы в своих сельских школах обучать детей abecadła» (ВЮ-ЗиЗР, октябрь, 1862, т. II, кн. 4, отд. III, с. 24). 2) «нотная азбука»: «Маленькие неточности вкрались в показание значения слов: абецадло (которое означает не просто азбуку, а нотную азбуку, состоящую из семи лат. букв: А, В, С, D, E, F, G...)» (Баженов, 1862, с. 600).

Августин, августинец (augustyny) — «монах ордена августинов»: «Откуда-то взялась и поехала, то обгоняя нас, то отставая, коляска; в ней на первых местах сидел августинец, с умным лицом...» (Гончаров, Фрегат, с. 479); «В открытом вооруженном бунте принимали также явное участие разные монашествующие из монастырей августинов» (Доклад особой комиссии, с. 353).

Агент (agent): — 1) «уполномоченный, поверенный частного лица, общества или государства» (Гавкин, с. 11), «представитель организации, учреждения, государства»: «26 числа Марта, прибыл в Караккас Г. Скотт, *Агент Соединенных Штатов*» (СПБ. вед., 1812, 77, с. 1125), «В следствие прибытия из Парижа Польского агента, польские выходцы в Лондоне решили последовать примеру своих Парижских товарищей, и устроить (по их словам) военное посредничество в пользу Турции» (Сев. пчела, 1853, № 222, с. 887), «Роль дипломатических агентов будто бы соглашался принять граф Ксаверий Браницкий» (Моск. вед., № 55, 12 марта 1863, с. 1), «[Покойный Лъэмпицкий] был агентом жонда»

(Моск. вед., № 204, 18 сент. 1864, с. 2), «Тайные агенты революционного комитета и духовенства проникают и в эти пустынные односелья и страшат всех русских изгнанием и истреблением (ВЮ-ЗиЗР, октябрь, 1863, т. II, кн. 4, с. 25). 2) «представитель разведывательной службы»: «Агенты жонда» (Моск. вед., № 211, 29 сент. 1863, с. 1), «Два вооруженных агента» (Варш. дн., № 6, 9 (21) янв. 1865, с. 27), «Между варшавскими полициантами много было тайных агентов революционного ржонда» (Крестовский, с. 534). 3) «представитель торгового предприятия»: «Спустимся еще ступенью ниже — в деревню, и мы найдем ее всецело отданною в жертву мелочи. Тут мы прежде всего встретимся с «чума-зым», который всюду проник с сонмищами своих агентов. Эти агенты рыщут по деревням, устанавливают цены, скупают, обвешивают, обмеривают, обсчитывают, платят несуществующими деньгами, являются на аукционы, от которых плачет недоимщик, четко прислушиваются к бабьим стонам и целыми обществами закабаляют и уводят в рабство людей, считающихся свободными» (Щедрин, 11, с. 162). Отмечено у Gardiner, 1965 (49—50). Польский язык способствовал процессу интернационализации этого слова в новых оттенках значений.

Агентство — от **агента** (см.), *agencja* — 1) «Звание, должность агента» (Словарь, 1847, стб. 2); «Звание агента» (Бурдон, 1871, стб. 11); «звание агента» (Гавкин, с. 11). 2) «Контора исполнения разного рода частных поручений» (Бурдон, 1871, стб. 11); «Исполнение разных поручений, делаемых частными лицами» (Михельсон, 1861, стб. 6); то же (Михельсон, 1898, стб. 15); «контора, заведующая делами какого-либо промышленного, торгового или правительственного учреждения» (Гавкин, с. 11); «мастерская завела свое агентство продажи готовых вещей» (Чернышевский, Что?, с. 200); «каждый день получают телеграммы северного агентства» (Чехов, т. 11, с. 313).

Агентура — «от сл. *агент*. Действие агента» (Бурдон, 1871, стб. 11); «Занятие или должность агента» (Михельсон, 1898, стб. 15).

Агенция (польск. *agencja*) — то же самое, что **агентство** в знач. «Контора исполнения разного рода частных поручений»

(Бурдон, 1871, стб. 11): «Совість невольно сказалась в том, что он минует называть меня лично и толкует о новых *герценистах*, о *герценовской агенции*» (Герцен, т. XVIII, с. 420).

Агитатор, ажитатор (*agitator*) — «возмутитель, бунтовщик» (Толль, I, 27); «мятежник, бунтовщик, подстрекатель» (Дубровский, 1866, с. 4); «лат. — волнующий умы и склоняющий их на свою сторону» (Гавкин, с. 11); «лат. от *agitare*, волновать. Бунтовщик» (Бурдон, 1871, 11; Бурдон, 1885, 19); «Старающийся распространить в обществе или в народе настроение в пользу какой-либо идеи или предприятия; зачинщик» (Словарь Грота — Шахматова, т. 1, вып. 1, стб. 11); «подстрекатель к мятежу, бунту, возмущению» (Авдеенко, 1905, с. 4); «подстрекатель» (Виноградов, 1907, с. 7); «Маджарский ажитатор видит, как над его отечеством собираются грозные тучи, которых мощный голос его уже не в состоянии рассеять» (Моск. вед., № 59, 15 мая 1848, с. 488); «Между крестьянами Царства также нельзя предполагать сочувствия агитаторам» (Моск. вед., № 12, 16 янв. 1863); «Агитаторы не достигают своей цели» (Моск. вед., 1863, № 49); «краковские агитаторы» (Моск. вед., № 261, 30 ноября 1863); «Подземная работа агитаторов еще кипела внутри края в начале 1864 года» (Варш. дн., № 10, 14 (26) янв. 1865, с. 52); «Среди этих агитаторов были люди, отличавшиеся поразительной энергией характера и фантастической любовью к своему делу» (СПб. вед., 1870, № 16, с. 2). Польский язык способствовал процессу интернационализации этого слова в новых оттенках значений.

Агитационный — от **агитации** (см.), *agitacyjny* — «пропагандистский»: «Сферы агитационные польские держутся подалее от такого честного стремления, но здешние славяне уже не обращают внимания и прямо говорят, что польская шляхта в деле славянизма вредит и скорее действует в духе антиславянском» (Варш. дн., № 3, 5 (17) янв. 1865, с. 11). **Агитационная печать**: «Наступит весна, и вооруженная интервенция непременно разрешит борьбу в пользу восстания. Вот песня, которую на все возможные лады агитационная печать напевает повстанцам» (Моск. вед., № 208, 25 сентября 1863); «Агитационная печать

бьется изо всех сил, чтобы как-нибудь поддержать остывший жар восстания» (Моск. вед., № 237, 1 ноября 1863).

Агитация (agitacja) — «волнение, беспокойство» (Толль, I, 27); «лат. — распространение в обществе настроения в пользу какой-либо идеи или предприятия» (Гавкин, с. 11); «лат. agitatio, от agitare, волновать. Возбуждение к мятежу» (Бурдон, 1871, с. 11); «лат. agitatio, от agitare, волновать. 1) Возбуждение к мятежу. 2) вообще возбужденное состояние» (Бурдон, 1885, с. 19); «подготовка общества к тем или иным поступкам» (Виноградов, 1907, с. 7): «Думают раздуть другого рода агитацию. Стали любезничать с украинскими “холопами”, которые так недавно хватали и мучили польских панов» (Моск. вед., № 261, 30 ноября 1863); «Старый правовед Н., человек опытный и умный. От начала агитации до настоящего времени он не переменял своего взгляда на польское восстание, считая его гибелью для страны и народа» (Сев. пчела, № 277, 19 окт. 1863); «Польская печать начинает сознавать, что так называемая национальная польская агитация не принесла до сих пор никакой пользы» (Голос, № 10, 10 (22) янв.1867, с. 2); «г. Костомаров в мастерском, живом и сжатом очерке передает подробности агитации знаменитого Яна Килинского» (СПб. вед., № 16, 16 (28) янв.1870, с. 1); «Не помню, вышел ли из этой агитации какой-нибудь бунт, но ежели и не было бунта, то, очевидно, не по недостатку усилий со стороны «Русского Вестника», а только потому, что бог спас» (Щедрин, 7, с. 341); «Агитация есть единственно возможное средство для достижения и упрочнения влияния на массу» (газета «Земля и Воля», 1879, № 4, с. 3); «Отчего же польские восстания окончились так плачевно? Главная, по нашему мнению, причина заключается в том, что польские заговоры, агитации по преимуществу ограничивались привилегированным и городским сословием» (Черный передел, № 1, 15 января 1880, с. 9); «Чтобы влиять на массу нужно изыскать другие способы действий. Посредственно или непосредственно, они заключаются в слове “агитация”» (Черный передел, № 2, сентябрь 1880, с. 3); «Мы не можем безнаказно играть политической агитацией» (Авсеенко В. Злой дух, Соч., т. II, ч. 1, с. 25). Данные примеры показывают, что старое

интернациональное германо-романского происхождения слово получило в русском языке под влиянием польского языка новые оттенки значения. Польский язык способствовал процессу интернационализации этого слова в новых оттенках значений.

Агитировать — «лат. — распространять в обществе настроение в пользу какой-либо идеи или предприятия» (Гавкин, с. 11); «возбуждать» (Толль, т. 1, стб. 27); «Стараться распространять в обществе настроение в пользу какой-либо идеи или предприятия» (Словарь Грота — Шахматова, т. 1, вып.1, с. 11); «возбуждать» (Словарь иностр. слов, 1881, с. 7); «(в пользу чего-нибудь) подготавливать общественное мнение для достижения известной цели» (Михельсон, Рус. мысль, т. 1, с. 6): «Вы у меня народ агитировать, молодежь развращать» (Крестовский, с. 51); *агитировали вопрос* (Щедрин, т. 4, с. 368). См.: Шанский, вып.1, с. 40; «Лексика XIX—XX в.», с. 291.

Аккуратно (akuratnie), нареч. — «старательно»: «Иностранная печать завопила о жестокостях и позабыла одно — счесть, также аккуратно, количество людей, повешенных» (Моск. вед., 1864, № 264).

Аматорский (amatorski) — «любительский»: «Четырнадцать месяцев напрасных пожертвований для невежественной драки доказали, что с этою старою системою *аматорской* и цыганской партизантки весь народ банда по банде будет истреблен» (Варш. дн., № 11, 15 (27) янв. 1865, с. 56).

Амбиция (через польск. *ambicja* из лат. *ambitio*) — «Лат. Славолюбие, высокомерие, любочествие, чрезвычайное и непомерное желание к богатству, к достоинствам, к чести. Отсюда *Амбиционный* славолюбивый, любочестивый, высокомерный» (Яновский, 1803, вып. I, с. 118—119); «Самолубие» (Михельсон, 1861, стб. 15); «обостренное честолюбие» (Фасмер, т. I, с. 75): *амбиция* (Геор. известия, 1850, вып.2, с. 196—197); «Здесьние поляки, убедившись, что они имеют дело не с одним правительством, а с народом, потеряли свою *ambicja* (амбицию)» (Сев. пчела, № 156, 14 июня 1863, с. 716); «[Липочка] Что мне в твоём купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция?» (Островский А. Н., т. 1, с. 13); «Народ говорит, что и у воробья, и у того есть амбиция,

а человек, какой бы он ни был, если только мало-мальски самостоятелен, все-таки не хочет быть поставлен ниже всех» (Лесков, Некуда, т. IV, с. 77). По Черных встречается уже в «Архиве» Куракина, 1710—1712 гг. (Черных, т. 1, с. 41).

Апельсин — «бомба» (калька из польского рев. аргю): «В разговорной речи начала века употреблялось слово апельсин “бомба”, заимствованное русскими революционерами из языкового обихода польских революционеров: *romagańcza*» («Лексика XIX—XX», с. 302).

Аркан (*arkan* от лат. *arcanum* «тайна, секрет») — «польский народный региональный танец» (Филиппов, 2002, с. 9): «Есть еще у поляков, как бы дополнительные народные танцы, а именно: аркан» (Живописная, 1896, т. 4, ч. 1, с. 256.).

Армата (польск. *armata* < лат. *arma* — “оружие”, “огнестрельное оружие”) — «*Стар*. Всякое огнестрельное орудие большого калибра, как-то: пушка, мортира и проч. » (Словарь, 1847, стб. 12). В темах из старинной жизни: «Козаки попросили еще, чтоб им дозволили было расположиться в арматую (то есть артиллерию) в шляхетских имениях (которые они, по старой памяти, считали землями козацкими)» (ВЮ-ЗиЗР, 1862, т. I, с. 139).

Артикулы (*artykuły*) — «документы, предложения, заявки от депутатов, подаваемые на сейме»: «В артикулах, поданных на сейме, прямо было сказано: “Будем стараться всеми силами, чтобы смута, начатая московским подарком, была утешена”» (Соловьев, кн. IV, с. 422).

Арцибискуп (*arcybiskup*) — “архиепископ”: “[Лжедмитрий:] Не на то родился монарх московский, чтобы им заправлял какой-нибудь арцибискуп” (Соловьев, кн. IV, с. 468). Шляхтич Н. Мархоцкий в своих мемуарах оставил под 1608 г. сообщение, что Лжедмитрий II в разговоре с поляками богохульствовал и употребил отрицательно-оценочное слово **арцыбес**, которое могло быть в тогдашнем широком речевом обиходе: «Царь много беседовал с нами (...) Говорил он, что не хотел бы быть у нас королем, ибо не для того родился московский монарх, чтобы ему мог указывать какой-то Арцыбес, или по-нашему — Архиепископ»

(Мархоцкий, 32). Басай отмечает чешское происхождение слова arcybiskup (см.: Basaj, Przegląd, s. 62). По Фасмеру *арцибискуп* в русских источниках “с Ипатьевск. до времени Петра I” (Фасмер, т. I, с.92).

Асан (польск. asan) — «Титул, употребляемый с низшими себя. Пр. пер.» (Коллокация, т. III, с. 88): «(пани Плахтина:) — Что это так рассмешило, асани — спросила она важно с расстановкой. — Асани? Крикнула пани Бируцкая. Смотрите пожалуйста — самая какая важная особа» (Коллокация, т. III, с. 88).

Ассессор, ассессор (через польск. asesor или нем. Assessor из лат. assessor) — «заседатель; чиновник некоторых средних административных управлений» (Гавкин, с. 67); «становой пристав» (Историч. вестник, 1880, т. II, № 5, с. 133); «заседатель (в казенных палатах; судебный заседатель» (Фасмер, т. I, с. 93): «Становой, или «ассессор» пан Шпарага» (Крестовский, 1995, кн. 2, с. 127); «Ну, плохо будет мне! подумал я, так как по цвету воротника и по висевшей через его плечо нагайке я узнал, что это был наш ассессор» (Историч. вестник, 1880, т. II, № 5, с. 133); *ассессор* (Боборыкин, 1894, с. 65); «пан регент и ассессор в середине едут рядом; Хотя порой меняясь, украдкой, злобным взглядом, Но вежливо друг с другом заводят разговор, Спеша, как люди чести, окончить старый спор» (Мицкевич, с. 3).

Аффект (afekt) — «влюбленность, сильное чувство»: «[Подбипента:] Сон отлетает от моих глаз, и у меня одно желание — вздыхать и вздыхать, отчего я могу превратиться в пар. Говорю же вам, пан, об этом потому, что сам вы, имея нежное сердце и обладая склонностью к «аффектам», легко поймете мои мучения» (Сенкевич, Огнем, с. 68).

Аффектация (от лат. affectatio) — «необычное, искусственное возбуждение; неестественность в жестах, манерах» (Словарь иностр. сл., с. 64): «Римско-католическая церковь, любящая как справедливо выразился “Вестник западной России” (1865 г., май), *внешность и аффектацию*» (ВЗР, 1868, т. III, отд. IV, с.234).

Б

Баба (baba) — «кулич»: «Тут были и бабы, и мазурки, и сухарёчки, и вендліна, и шинка, и палатки, и кішки, и колбасы — и все это в большом изобилии» (Крестовский, 1995, кн. 2, с. 19).

Бабка (babka — «кекс»): «пресные грешневые лепешки, называемые *бабки*» (Этнограф. сб., 1858, вып. III, с. 139). См.: Киркор, 1858, с. 139.

Бавария (bawaria от географ. названия Bawaria в Германии) — «пивная»: «я зашел в трембацкую улицу, в баварию, где теперешний генерал, в виде полового, подал мне кружку пива» (ВЮ-ЗиЗР, май, 1864, т. IV, кн. 11, отд. IV, с. 193); «До последней нитки пропивались в кабаках и бавариях» (Крестовский, 1995, кн. 2, с. 298); «Вот бавария вас ждет в дальнем зале» (Свечин, 2013, с. 271).

Банниция (banicja): «Банницией называлось изгнание» (ВЗР, 1869 (год — VI — 1868), т. IV, кн. XI, отд. IV, с. 211.).

Барбуня (barbunia) — «польск. — морская рыбка золотисто-красного цвета» (Гавкин, с. 82).

Барвинок (barwinek) — «польск. — вечно зеленое растение с голубыми цветками» (Гавкин, с. 82); “растение могильница, гроб-трава” (Даль, т. 1, с. 48), “вечнозелёное травянистое растение с голубоватыми цветками” (Ожегов, с. 34), “растение *Vinca minor*” — из лат. *pervinca* (Brückner, s. 17; Basaj, № 10, s. 64). Эти и другие авторы (напр.: Gebauer, s. 24) считают, что известный с XIV ст. в старочешском *barvienek* был заимствованный в XV в. польским (в той же самой форме *barwienek*), а затем украинским (*варвінок*) и русским языками (*барвинок* и прилаг. *барвинковый*).

Шанский (т. I / 2, с. 40) датирует слово 1534 годом, что *Leeming-ом* (с. 40) ставится под сомнение. В XIX в. слово *барвинок* встречается, напр., у Гоголя. Форма первого слога слова *барвинок* была создана под влиянием германизма *barva*. Другая литература по вопросу представлена у Фасмера (т. 1, с. 125).

Бардзо (*bardzo*) — «очень»: в прямой речи персонажа: «Барзо ми то мило пане» (Достоевский, Братья, с. 474); *бардзо* (Вельтман, с. 182). Слово *барзо* — “sehr” отметила уже Собик (*Sobik*, с. 181: под 1666 г.).

Бардзо добже (*bardzo dobrze*) — «очень хорошо»: «Если конгресс не состоится, то это будет бардзо добже для Поляков» (Моск. вед., № 270, 12 дек. 1863).

Бартоши (по имени Войцеха Бартоша — *W. Bartosza*) — «военизированные группы крестьян, вооруженных косами, впервые участвовавших в восстании Т. Костюшко»: «С косами шагают эти бартоши» (Кручковский, Перья, с. 338).

Бебехи (*bebechy*) — 1) «потроха», «кишки», «внутренности» (Фасмер, I, 141): *бебехи* (Лесков, Заячий ремиз // Лесков Н. С. Собр. соч., СПб., т. IX, с. 506). 2) «вещи»: «Все это билось, ломалось. Еврейские вещи (так называемые бебехи) рвались на части» (Катаев, с. 79); «Сунул [спрятал ключ. — *В. III.*] под кучу бебехов» (Хмелевская, 2/3 успеха., М., 1995, с. 167); «— Фатер, я ведь просил вас убрать эту бебеху!» (Свечин, 2013, с. 280). В обиходной польской речи обычное слово в указ. выше, как в русском, значениях. Для Фасмера (I, 141: «диал., южн. (Даль)») и Брюкнера (*Brückner*, s. 19: «ср. *bebiś (baba)?*») происхождение слова неясно.

Безжонд (*bezżąd*) — «неурядица»: «Жонд народовой желая устранить одну из возможностей, какую московский безжонд хотел создать для грабительства и разбоев, которые составляют главнейший источник доходов этого безжонда». Примеч.: «Час давно уже перестал московское правительство называть жондом, и везде говорит: безжонд, т. е. неурядица» (Моск. вед., № 234, 29 окт. 1863). Ср.: **жонд**, **ржонд**

Без працы не бенды колалацы (*bez pracy nie będzie kołaczy*). Впервые в середине XIX в. в речи И. Я. Корейши, см.: «Двад-

цать шесть лжепророков», М., 1864, с. 17; Н. С. Лесков «Маленькая ошибка»; Н. Телешов «Записки писателя», М., 1980, с. 224. Единица целиком или отдельными элементами употреблялась М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» (глава «Поклонение мамоне и покаяние»), у Ф. М. Достоевского в неопубликованной рукописи «Бесов» (Достоевский, Записные тетради, М., Л., 1935, с. 234).

В русской речи данное выражение небылица, несуразность без точного обозначения семантики. Против употребления без надобности подобных слов выступал Горький (Горький М. О языке, с. 169: *Не цацы, а бенды кололацы*). Впервые семантизируется Б. Пильняком в «Волга впадает в Каспийское море» (1930 г.) в смысле «без труда не будет калачей», «без труда ничего не свершится». В русском выражений «без труда не выловишь рыбку из пруда» несколько другие смыслы. См.: **колацы**.

Белица (bielica): «подляшская белица», «Белица» — это то, что русские почвоведы называют *подзолой*» (Гранат, т. 36, ч. 1, стб. 735.). См.: **забеликование**. Употребляется и в сугубо русском знач. «жительница монастыря, готовившаяся к постригу» (Лесков, Некуда: роман, т. 1, с. 696): «Бесноватая белица твердо возгласила: “Аминь”» (там же, с. 35).

Белого Орла орден (Order Orła Białego) — «польский орден, который после 1831 г. вошел в список официальных орденов России»: «Надобно сохранить для потомства следующую характерную черту из последних годов жизни короля: у него осталось много бланков для патентов на орден св. Станислава и Белого Орла» (ВЮ-ЗиЗР, январь, т. III, 1863, кн. VII, с. 16.), «Кучма вручил гостью высшую награду Украины — орден Ярослава Мудрого. В ответ г-н Квасьневский наградил коллегу высшим польским знаком отличия — орденом Белого орла» (газета «Сегодня», № 103, 23 мая 1997). Об ордене, см.: Яновский (Яновский, 1806, вып. 3, стб. 136—137; Сто великих наград, М., 2002, с. 79—80). «Жизнь пренеприятная шутка, но сделать ее прекрасной очень нетрудно. Для этого достаточно выиграть 200 000, получить Белого Орла» (Чехов, т. 3, с. 289); «Тайный советник, Белого Орла имеет, начальства над собой не знает, а бабе поддался» (Чехов, т. 4, с. 8);

«Иван Николаевич Корсаков, названный за то королем польским, что всегда по жилету носил ленту Белого Орла» (Пыляев, с. 108); «Польский Белый орел и прусский Черный уместились на груди — лент им благо не положено» (Дружинин, с. 25). В настоящее время высший орден Республики Польши и знак Российской Федерации, которым в России награждают за успехи на коммерческом поприще. «Вручая «авторитету» “Белого орла” (президент наградил того по ходатайству... академика Павла Бунича), Филатов прямо заявил: “Это мой друг”» (МК, 8 окт. 1997, с. 3).

Белый, белые (biały, biali) — цветообозначение, как знак партийной принадлежности; калька: «Недавно образовался в Варшаве комитет умеренных, под названием *Белого Комитета*» (Моск. вед., № 44, 27 февр. 1863); «Особенно важен был в этом отношении съезд Подлясского духовенства, который 13 ноября 1862 г., при участии депутатов от других епархии, решил спор между шляхетским (аристократическим, белым) комитетом и центральным (демократическим, красным) в пользу последнего» (Моск. вед., 1864, № 253); «Свидзинский был *белый*, один из польских «великих будователей» — термин, открытый исследователями в Вильне» (СПб. вед., № 211, 4(16) авг. 1866, с. 1); «И это-то общественное товарищество с их адептами составляло так называемых *белых*, заговорщики же Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а называемы были *красными*» (Авейде, с. 55); «Ружицки — член «белой» повстанской организации» (Рус. старина, т. 24, № 2, 1879, с. 188); «Партия «белых», состоявшая главным образом из знатных и богатых дворян, вообще была всегда очень умеренная» (Черный передел, 1880, № 1, с. 9); «В конце 1861 г. возникла революционная организация. Берг сообщает о возникновении белой «народной организации», во главе которой стоял гр. Замоийский, и которая не имела большого успеха» (Погодин, 1915, с. 192); «В начале 1861 г. в польском национально-освободительном движении выделились две «партии» — «белых» и «красных» (Федоров, с. 230). Выражение **Белый орел** (Orzeł Biały), напр.: «Знамя с изображением белого орла, серебряная булава, бунчук и печать» (ЖМНП, 1840, отд. II, март, ч. 25, с. 203); «польский “бялы оржел”» (Крестовский, 1995, кн. 2, с. 24); «республика